

ПЕРИОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
О ГРАЖДАНСКИХ ПРАВАХ

ГРАЖДАНИН ПРАВО

Индекс 79800

- ✓ К вопросу о видах нежилого помещения
- ✓ Оплата труда при выполнении работ в условиях, отклоняющихся от нормальных
- ✓ Возмещение убытков, причиненных налоговыми органами

5, 2012

ЖУРНАЛ О ГРАЖДАНСКИХ ПРАВАХ
ГРАЖДАН И ПРАВО

Издатель:
ООО «НОВАЯ ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА»
Издаётся с июля 2000 года
№ 5(112) * май * 2012
Учредитель: ООО «НОВАЯ ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА»
Издание подготовлено
при участии членов общественного объединения
«Граждане за законность»
Свидетельство о регистрации
ПИ № 77-1326 от 10 декабря 1999 г.

Журнал удостоен знака отличия
«Золотой фонд прессы»

В НОМЕРЕ

ДЕМОКРАТИЯ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

- В.Е. Чиркин
Гражданское общество,
конституционные коллективные права и обязанности 3
- С.И. Данилова
Проблемы имплементации норм европейского
уголовного права в российскую правовую систему ... 16

АНТИКОРРУПЦИОННЫЙ ПРАВОПОРЯДОК

- С.Н. Братановский, М.Ф. Зеленев
Административно-правовые аспекты
в декларировании доходов государственных
и муниципальных служащих 31

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ СОБСТВЕННОСТИ

- П.В. Макеев
К вопросу о видах нежилого помещения 40
- Т.А. Нуждин
Защита прав кредиторов
при реорганизации хозяйственных обществ 45

ЗАЩИТА ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

- Р.М. Попов
Правовое регулирование жилищного фонда
социального использования 55

ТРУДОВЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ

- В.И. Власов, О.М. Крапивин
Оплата труда при выполнении работ
в условиях, отклоняющихся от нормальных 61

НАЛОГИ И СБОРЫ

- О.И. Долгополов
Возмещение убытков,
причиненных налоговыми органами 76

Генеральный директор
ООО «НОВАЯ
ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА»

КАРПОВИЧ
Владимир
Дмитриевич

Главный редактор
ПОПОВ
Алексей
Александрович

Редакционный совет
В. ГРЕБЕННИКОВ
В. КАРПОВИЧ
Н. КЛЁН
П. ЛАХНО
С. МОГИЛЕВСКИЙ
Г. ИВЛИЕВ
Б. ТАНГИЕВ

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

- А.Ш. Одинаев, Х.А. Умаров, Ф.Р. Шарипов
Политико-правовой статус органов
внутренних дел Республики Таджикистан:
анализ коллизий в законодательстве 87
- Л.В. Густова
Полиция России: возможности
и перспективы децентрализации 93

ВНИМАНИЕ!

Информацию о журнале «Гражданин и право»
Вы найдете на нашем сайте: <http://www.grajdaninipravo.ru>
e-mail: gjp-npk@mail.ru

*Присланные в редакцию материалы не рецензируются и не возвращаются.
Редакция ведет рубрику «Отвечаем на вопросы читателей» по наиболее
актуальным и злободневным темам, не вступая в переписку с читателями.
Точка зрения авторов публикаций не всегда совпадает
с точкой зрения редакции.*

*При использовании опубликованных материалов журнала
«Гражданин и право» ссылка на него обязательна.*

*Полное или частичное воспроизведение, в том числе электронными СМИ,
а также размножение каким-либо способом материалов, опубликованных
в настоящем издании, допускаются только с письменного разрешения
редакции журнала.*

Редакционная коллегия

В. КАРПОВИЧ
А. ПОПОВ
И. ШВАРЦЕР
Б. ТАНГИЕВ

Компьютерная верстка

А. КРАСНОВСКАЯ
Е. КАМЕННАЯ

Художественный
редактор
Е. ГРИБОВ

Секретарь редакции
И. КЛОЧКОВА

Адрес редакции: 119602, Москва, Мичуринский пр-т,
Олимпийская деревня, д. 16, оф. 3

ООО «НОВАЯ ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА». Тел./факс: 8 (495) 437-79-49

Подписано в печать 26.04.2012

Формат 70x108¹/₁₆. Офсетная печать. Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Сайт: www.oaompk.ru. Тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

© «НОВАЯ ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА», 2012

Гражданское общество, конституционные коллективные права и обязанности

В.Е. Чиркин,

*Институт государства и права РАН, доктор юридических наук,
профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ,
главный научный сотрудник*

Термин «гражданское общество» не совсем однозначно толковался его идеологами в XVII–XVIII вв., а в марксизме понимался прежде всего как система производственных отношений, базис общества. Его содержание и сейчас не всеми понимается одинаково.

Обычно считается, что гражданское общество возникает на определенном этапе развития общества (его идеологи считали: после свержения абсолютизма и провозглашения прав человека и гражданина), но есть работы философов, которые утверждают, что гражданское общество существовало всегда, от древности до наших дней, изменялись только его формы и ценностные ориентации¹.

Акцент некоторых российских толкователей, сделанный на полную отделенность так называемого гражданского общества от государства и его органов, в современных условиях также вряд ли может быть принят. На деле же основы правового положения самодельных объединений (например, различных общественных организаций), которые считаются в России главными элементами гражданского общества, устанавливаются государством и законами государства.

Сомнения вызывает и сама этимология: при возникновении термина «гражданское общество» он был производным от термина «гражданин». «Гражданином» требовали заменить понятие бесправного подданного при абсолютизме. Тогда же было проведено различие прав человека и прав гражданина. Гражданин (в отличие от понятия «человек») должен был участвовать в делах государства путем выборов парламента, в судах посредством участия «судей из народа» — присяжных заседателей, ассизов (шеффенов), — в других формах (например, в местном самоуправлении), он обладал политическими правами. Но «гражданин» — понятие не внегосударственное, а государственное, это особая связь лица с государством (такая связь существует также для юридических лиц и выражается в понятии национальности юридического лица). Отделить «гражданина» и, следовательно, «гражданское общество» от государства нельзя.

Констатация связи слова «гражданин» с понятием «гражданское общество», конечно, недостаточна для выявления сути того, что мы назы-

---

¹ См., например: *Фирулева Л.П., Бучкин А.В.* Гражданское общество (проблемы типологии) // Социально-политическое развитие России: проблемы, поиски, решения. Ижевск, 1996. С. 6.

ваем гражданским обществом. Оно так узко не понималось при возникновении этого понятия, не понимается и теперь. В представлениях большинства людей это нечто большее, чем совокупность граждан. Можно привести и другие доводы в отношении точности такого термина, неслучайно он почти не употребляется юристами и политиками за рубежом, но в России слова «гражданское общество» любят, часто используют, в том числе в вопросе, когда в стране появится гражданское общество.

Термин «гражданское общество» утвердился в политических выступлениях, в общественном мнении и в науке. Объективно явление, характеризующее это понятие, существует, и мы видели это в России на массовых демонстрациях «за честные выборы» в 2011 и 2012 гг. Попытки найти лучшее название не удалось, приходится пользоваться существующим. Термин «гражданское общество» используется в некоторых конституциях, например в ст. 4 Конституции Болгарии 1991 г. и в ч. 3 ст. 9 Конституции Королевства Бутан 2008 г. В первой говорится, что республика создает условия для «свободного развития человека и гражданского общества», во второй государству ставится задача «создать гражданское общество» наряду с закреплением в ст. 6 института подданства (правда, говорится о подданных не монарха, а государства Бутан).

По нашему мнению, поскольку иного термина пока нет, использование термина «гражданское общество» допустимо, поскольку обществом он понимается правильно. Не следует, видимо, лишь ставить задачи государству по созданию такого общества, оно формируется само, эволюционным путем.

Государство и его органы могут лишь убирать препятствия для его формирования и создавать соответствующие

условия, что по понятным причинам делается только в известной мере и до известной степени. По своей сути это явления противостоящие, но существующие в единстве, типа понятий «инь» и «янь» в древней китайской и японской мифологии. Какими бы хорошими ни были парламент, президент Болгарии, король Бутана или премьер-министр, всегда возникают и будут возникать противоречия между государством, его органами и определенными слоями населения, общественным мнением, обществом в целом (при этом необязательно, что общественное мнение всегда право, оно может не видеть и не знать того, что знают управляющие структуры, более информированные по ряду вопросов и оценивающие ситуацию комплексно).

Противоречия неизбежны, ибо государство, его органы, будучи отделены, выделены из общества (но не абсолютно, что невозможно), всегда имеют собственные интересы, нередко ориентируются на свои, частные ценности, а гражданское общество заботится о своих интересах, иногда лишь частично осуществимых на данном этапе развития страны, при имеющихся силах и средствах государства и общества в целом. Такие противоречия не нужно скрывать или затушевывать, их нужно на каждом новом этапе разрешать.

С другой стороны, государство и его органы — это тоже часть общества. У них есть общие интересы с гражданским обществом. В конечном счете государство — официальный представитель общества, оно возникло для решения «общих дел» общества (это признавал и К. Маркс в своей классовой теории государства), а также для того, чтобы не допустить анархии и распада общества (такой роли государства Маркс не признавал, говоря о необходимости победы одного класса и диктатуры про-

летариата). Отношения государства, его органов, с одной стороны, и «гражданского общества» как особого неформального образования, включающего и общественные структуры, и свой менталитет, — с другой, более сложны и диалектичны, чем это иногда представляется. В этих отношениях есть одновременно и противоречия, и общие интересы, это союз и борьба одновременно. Важно видеть эти общие интересы, которые должны быть основными, главными, ведущими и для гражданского общества, и для государства, его органов.

Несмотря на все недостатки терминологии, нельзя не признать, что независимо от разных толкований лозунг гражданского общества содержит огромный гуманистический и демократический потенциал. В том числе под такими лозунгами собираются массовые демонстрации, выдвигаются требования, причем не только соблюдения прав гражданина, но и их тоже.

Как известно, существует множество разных прав гражданина в зависимости от того, в каких отношениях он участвует, — имущественные, трудовые, экологические, процессуальные (например, как стороны в суде) и другие права, ведь гражданин тоже человек. Для той неформальной общности, которую мы называем гражданским обществом, особое значение имеют основные права человека и гражданина, они закреплены в конституциях. Под лозунгами соблюдения этих прав (личных, экономических, социальных, культурных, политических) гражданское общество чаще всего и обнаруживает свою активность (такие лозунги могут принимать различные конкретные формы — от требований повышения зара-

ботной платы до лозунгов свободы прессы или отставки правительства).

Вместе с тем есть еще одна сфера отношений, где человек или гражданин индивидуально не может действовать, а именно гражданское общество проявляет себя как определенная целостность. Это коллективные конституционные права. Они могут иметь форму прав всего народа (например, право на самоопределение в условиях колониальной зависимости)² и форму прав определенной крупной социальной или иной неформальной общности, если ее требования поддерживаются большинством народа (например, особые права детей или ветеранов). Существуют, на наш взгляд, также коллективные обязанности. Правда, пока в праве существуют лишь общие формулировки такого рода, и их немного (например, требование социального партнерства с указанием его форм в ст. 27 Трудового кодекса РФ или упоминания в зарубежной литературе о социальных обязанностях).

На наш взгляд, права человека, и особенно коллективные права, существование которых вызывает различные мнения (есть и несогласия с данным тезисом), можно всесторонне осмыслить во взаимосвязи государственного регулирования таких прав и реализации их в гражданском сообществе, равно как и в обществе в целом (если мы разделяем эти понятия).

Общество любой страны — это не только совокупность индивидов с неодинаковым правовым положением (человек, гражданин, беженец, мигрант и др.), но и множество самых различных группировок людей (объединений, коллективов, сообществ). Они неодинаковы по социальным, этническим, возрастным, гендерным характеристикам, что отра-

² См.: *Хабриева Т.Я.* Современные проблемы самоопределения этносов. Сравнительно-правовое исследование. М., 2010. С. 42–64.

жается в соответствующих понятиях (давно существуют понятия народа и нации, в науку вошел термин «средний класс», в России есть законодательные определения казачества, во многих конституциях говорится об особой защите детей, женщин, инвалидов и др.). Все такие группировки имеют общие интересы, без этого они не были бы определенными общностями. Как таковые, они получают структурные качества определенных формирований и, будучи ими, могут приобретать некоторые специфические, в том числе конституционные, права и обязанности, отличные от прав и обязанностей входящих в такие группировки индивидов.

Организация таких общностей неодинакова. Некоторые из них не имеют или почти не имеют организационных форм и остаются по существу совокупностями лиц, другие представляют собой постоянные организационно оформленные коллективы. Поэтому, видимо, конституционные положения о коллективных правах и обязанностях тех или иных сообществ, объединений могут быть неодинаковыми. В одних случаях они могут иметь характер общих деклараций, развиваемых в отраслевом законодательстве (например, о правах детей³), в других — это более определенные «коллективные права» и «коллективные обязанности» со своими способами обеспечения прав и выполнения обязанностей. Это относится ко многим общественным объединениям; таковы, например, права объединений работодателей и профсоюзов заключать коллективные договоры или право политических партий выдвигать кандидатов на выборах (другие общественные объединения, как правило, такого права не имеют),

обязанность партий иметь для регистрации в качестве юридических лиц и для участия в выборах определенное, иногда довольно большое количество членов (в Польше — 3 тыс., в России — 45 тыс., в Мексике — 65 тыс.).

Коллективные права и коллективные обязанности, реализуемые лишь частично посредством понятий юридических лиц публичного и частного права, почти не изучались в литературе. В значительной мере это было связано, видимо, с тем, что концепция прав, правового статуса личности возникла и развивалась на Западе (в Европе, Северной Америке) односторонне, с позиций либерально-индивидуалистического подхода, с акцентом на права человека и длительное время без положений об обязанностях (например, кроме уплаты налогов), а концепция обязанностей стала развиваться в социалистическом праве односторонне с акцентом на разные права и обязанности «трудящихся» и «эксплуататоров». Правда, иногда в документах конституционного значения уже тогда упоминалось о правах народа как особого сообщества (например, в американской Декларации независимости 1776 г., во французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г.), но до XX в. коллективистские тезисы не получили развития. Вопрос о конкретных коллективных правах и обязанностях не обсуждался.

Конечно, нельзя сказать, что в праве и науке ничего не сказано по обсуждаемому вопросу. В различных системах права давно существовали и сейчас есть элементы своих подходов к правам социальных, этнических и иных общностей. В конституциях многих стран признаются, например, особые права

³ Хотя и в данном случае могут быть более конкретные положения. Например, в Конституции Бразилии 1988 г. говорится о правах детей до 6-летнего возраста на детский сад. В некоторых конституциях и иных законах есть также рассматриваемые ниже конкретные положения о нормах представительства женщин в парламенте, о правах пенсионеров и др.

национальных меньшинств, иногда жителей горных районов или кочевых народностей, права женщин, казачества в России, городских жителей в Китае (по закону они имеют преимущественное, пятикратное представительство в выборных органах государственной власти) и др. Такие права рассматриваются именно как права определенных группировок, а не юридических лиц, но упоминания об особых правах общностей обычно имеют характер исключений и специальных оговорок.

В мусульманском праве тоже издавна были и есть свои элементы признания прав определенных общностей (например, уммы как сообщества «правовверных»), а также коллективные права и обязанности, связанные с гендерными различиями (повиновение женщин как особой группы населения «вышестоящим их мужчинам»). В обычном праве тоже существуют некоторые представления о правах общностей. Считается, что права человека связаны с племенной принадлежностью лица, вне коллектива своего племени лицо не имеет прав по обычному праву.

Все правовые системы, однако, регулировали и продолжают регулировать прежде всего индивидуальные права. Хотя и приняты международные конвенции о правах детей, женщин, коренных народов, работников, этносов (запрещение геноцида и наказание за него) и др. и существуют документы подобного рода во внутреннем законодательстве, но каких-либо обобщающих актов о системе коллективных прав и тем более о коллективных обязанностях нет ни в европейских, ни в иных конвенциях. Не систематизированы такие права и обязанности во внутреннем конституционном праве. Более того, существующие положения имеют характер общих деклараций (это часто неизбежно в международном праве из-за слож-

ностей согласования волей различных государств, но это присуще и внутригосударственному праву), а некоторые прежние формулировки исчезают: о праве народов на сопротивление угнетению предпочитают не вспоминать, рассматривая его как исторический факт революционного прошлого, хотя события 2011 г. на Арабском Востоке напомнили, что кроме типичной эволюции в развитии общества бывают и революции.

Коллективистский подход к правам определенных общностей, а именно народа в целом, впервые получил свое конкретное выражение в лозунгах, а затем и в конституционных документах времен первых буржуазно-демократических революций (Декларация независимости 1776 г., Декларация прав человека и гражданина 1789 г.). В них говорилось о праве народа на свержение угнетательского правительства (в США — колониального господства), но вопрос о понятии коллективных прав не поднимался даже в теории.

Второй шаг в развитии конституционного регулирования таких прав без обсуждения подобной формулировки в теории был сделан в советских конституциях (затем в других конституциях тоталитарного социализма) с позиций классового подхода к отдельным общностям населения.

Выделялись права трудящихся и права эксплуататоров. Выдвигался и осуществлялся тезис о примате общества и государства над личностью, прав коллектива над правами личности, прав трудящихся (как общности) над правами эксплуататоров. Речь шла не только о правах индивидов, принадлежащих к этим общностям, но и о положении последних как неформальных коллективов (формулировка о высшем праве рабочего класса на свою диктатуру содержалась в работах И.В. Сталина), выделялась роль этого класса как ведущего класса

в обществе, положение крестьянства как ведомого, ограниченного, как определенная общность, в правах (например, из-за отсутствия паспортов до 50-х годов XX в. в СССР крестьянство в своей массе было лишено свободы выбора места жительства). Положение «эксплуататоров» было положением класса, подлежащего упразднению в тех или иных формах. С таким определением этих классов в обществе были связаны их права и обязанности как тех или иных коллективов, хотя слов о коллективных правах и обязанностях в законодательстве и доктрине тоже не было.

Вместе с тем в марксистско-ленинской теории впервые со времен конца XVIII в. было названо второе конкретное коллективное право — право наций на самоопределение. Оно получило конституционное закрепление сначала в советских конституциях, а затем в документах международного сообщества государств.

В значительной мере это связано с тем, что после Второй мировой войны некоторые элементы коллективистского подхода в социалистических конституциях оказали влияние на конституции ряда капиталистических стран. В них появились положения о «правах трудящихся», «профсоюзных правах» (Испания, Италия, Португалия, Франция и др.), содержатся положения о правах других групп или общностей (этнических групп, детей, ветеранов, пенсионеров, инвалидов и др.). В результате в наше время в «социальных» конституциях капиталистических стран регулирование прав человека и гражданина несколько изменилось. Хотя прежний, индивидуалистический подход везде доминирует, в таких конституциях, как и в международном праве, есть нормы о правах тех или иных общностей. Видимо, нужно развивать такие элементы, в том числе и в международных конвен-

циях, разрабатывать концепцию о коллективных правах различных общностей, определить их систему.

При этом важно, *во-первых*, различать коллективные права и индивидуальные права, осуществляемые только коллективно. Примером может служить социально-экономическое право на забастовку или политическое право свободы собраний. Право на участие в забастовке или на свободу собраний — индивидуальное. Каждый сам решает, участвовать ли ему в забастовке (в Великобритании нередко в коллективе проводится тайное голосование) или в собрании, стать их инициатором, но один человек, в качестве протеста не явившийся на работу, не забастовщик, а прогульщик. Точно так же нельзя организовать собрание самому с собой или с приятелями на кухне. Осуществление коллективных прав предполагает существование определенного коллектива, сообщества, общие интересы, единство воли хотя бы по определенным вопросам и требует коллективных действий.

Во-вторых, следует различать коллективные права, с одной стороны, определенных общностей, а с другой — групп населения. Такие различия не всегда можно провести достаточно строго, но очевидно, что, например, право наций на самоопределение — это право определенной общности (а не каждого индивида внутри нее), тогда как упомянутое выше право детей до 6-летнего возраста на детский сад или пенсионеров на 13-ю пенсию к Рождеству (Конституция Бразилии 1988 г.) — это право и группы, и каждого индивида.

В-третьих, особого рода коллективные права присущи организованным объединениям индивидов, например партиям, профсоюзам, национально-культурным автономиям, парламентской политической оппозиции и др.). Прежде всего это права на представи-

тельство (юридическое или фактическое) определенной общности или группы населения, но есть и другие права (например, во многих странах, в том числе в России, право политической партии как единственной организации на выдвижение кандидатов на выборах в парламент).

Попробуем систематизировать коллективные права этих трех родов, нашедшие закрепление в современных конституциях.

Как упоминалось, впервые коллективное право — *право народа как особой общности на сопротивление угнетению, на замену угнетательского правительства* — появилось в специфических условиях принятия первых конституций и актов конституционного значения в XVIII в. Об этом было сказано в Декларации независимости 1776 г. Перечисляя притеснения, которые принесло американскому народу правление британского монарха (осуждению подверглись также действия британского парламента), Декларация устанавливала: «Если какая-либо форма правительства становится губительной (для прав и счастья народа. — *В.Ч.*)... народ имеет право изменить или упразднить ее и учредить новое правительство...»⁴ О праве на «сопротивление угнетению» говорила также статья 2 французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г.⁵, которая и сейчас является действующей (в Конституции 1958 г., являющейся частью общего понятия комплексной французской Конституции, соответствующих положений нет).

Правовые нормы 1789 г. были проявлением особой формы суверенитета

народа. Тогда они толковались как право народа на восстание, на революцию.

Тезис о праве народа на сопротивление угнетению затем не повторялся в конституциях. Он возродился (вплоть до применения «революционного насилия») в XX в. в советских основных законах (декретах Октября 1917 г., Конституции РСФСР 1918 г. и др.) как право на свержение власти эксплуататоров и установление власти трудящихся, рабочих и крестьян.

Позже положения о свержении иноземного гнета и установлении власти народа были повторены во вьетнамской Декларации независимости 1946 г., а затем в двух вариантах: в 60–70-х годах при освобождении от колониального гнета и в конце 80-х — начале 90-х годов в документах партий и национальных конференций при ликвидации тоталитарных режимов в некоторых странах Азии и Африки. Иногда в них говорилось о праве народа на свержение иноземного гнета и диктаторских режимов мирным путем.

Незначительные отголоски такого «мирного» подхода сохранились в некоторых конституциях стран Тропической Африки, принятых в 80-х годах⁶, но в документах первых национальных конференций после свержения диктаторских режимов эти тезисы звучали иногда более отчетливо (как известно, такой способ достижения независимости и установления власти народа в виде кампании гражданского неповиновения проповедовал и осуществлял Махатма Ганди в Индии). Теперь это признано и соответствует духу нашего времени: применение насилия в политической борьбе запрещено.

⁴ Хотя слово *government* часто переводится как «правительство», в данном случае, как и в текстах, упоминаемых ниже, речь шла, по существу, об изменении системы управления (см.: Соединенные Штаты Америки. Конституция и законодательные акты. М., 1993. С. 25).

⁵ См.: Французская Республика. Конституция и законодательные акты. М., 1989. С. 26.

⁶ В настоящее время многие из этих конституций изменены, нестабильность во многих странах Тропической Африки продолжается.